

Качественная методология, исторический нарратив или можно ли написать историю советской социологии «с человеческим лицом»

Статья посвящена методологическим аспектам возможности написания истории социологии "с человеческим лицом". Обосновывается доверие информанту как принципиальная характеристика качественной методологии. Доказывается с опорой на принцип объективной ошибки возможность "пробиться" к реальности через интервью с социологами. Анализируется возможность написания истории советской социологии как исторического нарратива.

Ключевые слова: качественная методология, доверие информанту, принцип объективной ошибки, исторический нарратив, буквальная истина, метафора.

Анна Готлиб

профессор социологии
Самарского государственного университета

Создание истории советской социологии с "человеческим лицом" (или в "лицах") — предприятие, которым сегодня занимается Борис Докторов, и, собственно, ради которого он в течение многих лет берет интереснейшие интервью у ведущих российских социологов, — исследовательская задача не из легких.

И дело не только в том, что трудно найти общее, типичное в профессиональных судьбах опрашиваемых социологов: они принадлежат к разным профессиональным поколениям, занимали различные позиции в поле советской социологии, выбирали (осознанно или не очень) несхожие стратегии отношения с властью и т. д. И дело даже не в том, что сам социальный контекст — постхрущевская советская жизнь с ее писаными и неписаными правилами, так или иначе, менялась, хотя и нелинейно — зигзагами, менялась, неминуемо сказываясь на судьбах социологов, а значит и на бытовании социологии в конечном итоге.

На мой взгляд, написание истории социологии с "человеческим лицом" требует, прежде всего, осмысления ряда важнейших *методологических аспектов*, многие из которых не раз и с успехом обсуждались, но все-таки интерес к ним вновь и вновь вспыхивает в дискурсе социологии.

Первый методологический вопрос-претензию, на мой взгляд, четче других недавно сформулировал Владимир Шляпентох¹. Уважаемый мэтр обвиняет Дмитрия Шалина и Бориса Докторова, создателей сайта "Международная биографическая инициатива", где и расположены все эти свободные интервью с российскими социологами, в *наивном доверии* к информантам. Он упрекает социологов — биографов в "розовости" их представлений об информантах. Она, эта "розовость", по его мнению, состоит в том, что, и Д. Шалин, и Б.Докторов, думают, что интервьюируемые ими социологи готовы "говорить правду, только правду и всю правду". По мнению же В. Шляпентоха, все происходит как раз наоборот: информанты, эти изошренные высоколобые интеллектуалы, в момент интервью переполнены "пристрастиями, преданы разным идеологическим нормам, обеспокоены своим престижем, тем, как они выглядят в

глазах интервьюера и будущих читателей"² и потому уж точно не говорят правды. Все это, "загрязняет", по его мнению, информационную среду, и, следовательно, как продолжение этой мысли ставит под сомнение научную ценность проекта, а значит, и ценность создаваемой на их основе истории советской социологии. Масла в огонь такого рода претензий подливает и сам Б. Докторов, утверждая, что строит свои интервью таким образом, чтобы его "герои подали себя с лучшей стороны"³, хотя делает это исходя из этических соображений.

Мне хочется поспорить с точкой зрения В. Шляпентоха, показать ее несостоятельность, хотя я и понимаю, что в нашем споре не родится истина: наш спор — скорее экзистенциальный, когда стороны оказываются "онтологически задеты", если воспользоваться выражением философа Виталия Лехциера⁴. В таком споре речь идет об идентичности, которая оказывается "задетой", "поставленной под вопрос", переживается как вызывающее покушение на идентичное "я" со стороны другого, покушение, требующее ответа.

В нашем случае, я полагаю, под вопрос поставлена *моя методологическая идентичность*. Уважаемый социолог фактически отказывает в праве на существование будущей истории советской социологии, построенной на интервью с советскими российскими социологами, только потому, что она (история) будет произведена, (уже производится Б. Докторовым) в качественной традиции: с использованием качественных (свободных интервью) и исследовательской их интерпретацией. Фактически эта позиция — оттуда, из советских 60-х (это не скрывает и сам автор, напротив, — гордится этим), когда социологическое поле СССР было монопарадигмальным, а агенты этого пространства (если воспользоваться терминологией Пьера Бурдьё) — социологи, обладая разными капиталами, все же имели одну общую черту: все работали в рамках так называемого количественного подхода, "количественной социологии" — социологического варианта научного знания в его новременной форме.

Сегодня ситуация совершенно иная: социологическое пространство полипарадигмально. При этом полипарадигмаль-

¹ Шляпентох В. Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2011. №4. С. 25-27

² Шляпентох В. Там же. С. 25.

³ Фирсов Б.М. История социологии в лицах: биография и/или биокритика // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2011. №4. С. 12.

⁴ Лехциер В. Феноменология "пере". Введение в экзистенциальную аналитику переходности. Самара: Самарский университет, 2007.

ность уже к концу XX века большинством социологов стала рассматриваться не как кризис социологии, а напротив — как ее естественное развитие. Как известно, в каждой методологии социологического исследования: классического, качественно-активистского (а социология — полипарадигмальное знание и применительно к эмпирическому познанию) существуют *свой* способ познания, *свои* критерии качества полученной информации, *своя* исследовательская логика, как конечно, а может быть, и в первую очередь, свое видение природы социальной реальности.

Уважаемый мэтр, конечно же, знает, не может не знать, что социальная реальность, реальность в которой мы живем, реальность нашего конкретного общества в качественной традиции, "настойчивой" преимущественно на феноменологической социологии, символическом интеракционизме, понимающей социологии, — это результат *коллективного истолкования (определения) повседневной жизни, непрерывно творимый продукт повседневных взаимодействий, интерпретаций и реинтерпретаций*. В так понимаемой социальной реальности индивидуальное истолкование, лежащее в основании коллективного, — не копия действительности, но всегда ее индивидуальная конструкция, личностное определение ситуации, обусловленное "громადем" факторов: биографической позиции человека, превращающей "мир вообще" в "мой собственный мир" каждого конкретного человека (Альфред Шюц); ситуацией интервью, понимаемого здесь как процедуры совместного конструирования реальности (Ирвинг Гофман, Стефан Квале); осознанным или неосознанным стремлением управлять впечатлениями о себе (И. Гофман) и, наверное, еще множеством других факторов.

В этой традиции, и это самое главное, *в принципе нет проблемы недоверия* субъекту рассказывающему (информанту), стремления "подловить" его на лжи, используя различные методические приемы. Вот как точно пишет об этом английская исследовательница Кэтрин Риссман: "Когда люди рассказывают о своих жизнях, они иногда лгут, многое забывают, преувеличивают, путаются, и неправильно понимают вещи. Тем не менее, они открывают истины. Данные истины не отражают прошлое таким, каким оно есть на самом деле, стремясь придерживаться стандартов объективности. Вместо этого они открывают нам *истины нашего опыта* (выделено мной — А. Г.)"⁵. Здесь опыт понимается, прежде всего, как субъективный опыт, как переживание в феноменологическом значении этого термина — наделение ситуации индивидуальными смыслами, как рассказанная жизнь.

Рассказанная жизнь, конечно же, — всегда конструирование жизни, "иллюзия", "артефакт" (термины П. Бурдьё)⁶, всегда попытка связать воедино разрозненные элементы своей жизни, сконструировать причины и следствия тех или иных ее поворотов. Вместе с тем, искусственность, "иллюзионность", сконструированность рассказанной жизни, которая так смущает П.Бурдьё, "обговоренность" мира в целом — это и есть та реальность, в которой мы живем, и другой не дано.

Современная философия имеет в своем арсенале блестящий инструмент анализа этой проблемы. Я имею в виду "принцип объективной ошибки", впервые обозначенный Мерабом Мамардашвили и Александром Пятигорским в работе "Символ и сознание" и детально проанализированный Юрием Разиновым в работе "Я как объективная ошибка". Он означает "принцип определения объектов, функционирующих *посредством*

высказывания о самих этих объектах, и существующих в качестве фактов языка, то есть объектов с *особым онтологически статусом*"⁷. Объективная ошибка состоит в том, что мы оперируем *представлениями о сознании* как объектами с наблюдаемыми характеристиками (на самом деле с квазиобъектами). При этом мы совершаем ошибку намеренно, понимая, что таковы правила игры: "когда мы говорим, что какая-то часть сознания нами приравнивается к действительному положению вещей ...мы допускаем в качестве универсального позитивного принципа, что возможна ошибка, *но мы должны и будем ей верить*"⁸.

Нарочитая двусмысленность термина "объективная ошибка", его "кентавричность" призвана описывать такие объекты, внутренняя природа которых не схватывается в дихотомическом членении на "субъект" и "объект", "бытие" и "сознание" ...и может быть описана путем "парадигмального смещения терминов". Объективная ошибка возникает как необходимый элемент общественной связи, структурирующая саму эту связь. Ее объективность состоит в том, что она задает *форму объекта до самого объекта, форму отношения до самого этого отношения, форму мысли до самой мысли*. В то же время это ошибка, действующая на уровне самой социальной действительности, когда субъект "работает" с *квазипредметами, иллюзиями, фикциями* как будто они являются настоящими, причем само это оперирование имеет для индивида *прагматический смысл*, значимо для него.

Для информантов, на мой взгляд, это означает, что рассказанная жизнь воспринимается в естественной установке сознания как *изначальная и самодовлеющая реальность*, связывающая человека с обстоятельствами его жизни, как *объективная и необходимая форма*, имеющая своим следствием структурирование самой жизни. Для исследователя использование "принципа объективной ошибки" означает принятие тезиса о невозможности противопоставления реальной жизни рассказу о ней, признание того факта, что рассказанная жизнь и сама жизнь *тесно переплетены, накладываются друг на друга*, создавая ту самую реальность, в которой мы живем, совершаем поступки и ... иного не дано.

Если это так, тогда в рассказах о себе даже очень изощренных людей, социологов, все-таки можно найти правдоподобное описание советской социальной действительности (термин "достоверное" в качественной традиции принципиально не "работает"), да и самого процесса развития социологии, их взаимообусловленность. Полагаю, что через субъективные жизнеописания, сквозь те субъективные смыслы, которыми опрошенные социологи наделяют события своей жизни, *исследователь все-таки может "пробиться"* к описанию реальности советской жизни, реальности функционирования и развития советской социологии как чего-то существующего вовне, словом, выразить мир социума в терминах внешних социальных структур.

Еще одним теоретическим основанием такой уверенности является и то обстоятельство, что при всей уникальности каждого из опрошенных социологов большая часть индивидуальных смыслов каждого, если верить А.Шюцу⁹, *типична*, то есть обладает общностью с другими людьми, в том числе и социологами, и *прежде всего с самим исследователем*: смыслы и нормы тех поступков, которые исследователь пытается понять, по своей сути *интерсубъективны*, они изначально ориентированы на возможности понимания, коммуникации и неотде-

⁵ Riessman C.K Narrative analysis. London: Sage Publications.1993. P. 8

⁶ Бурдьё П. Биографическая иллюзия //Интер, 2002. №1.

⁷ Разинов Ю. Я как объективная ошибка. Самара: Самарский госуниверситет, 2005. С.130.

⁸ Мамардашвили М.К. Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. Иерусалим: Малер, 1982. С.30.

⁹ Шюц А. Аспекты социального мира //Шюц,А. Смысловая структура повседневного мира. М.: Институт Фонда "Общественное мнение", 2003. С. 114-159.

лимы от языка, которым пользуются социологи. Эта *общеобязательность типического* (в терминологии А.Шюца) объясняется общим социальным контекстом исследователя (в нашем случае тоже социолога) и опрошенных социологов, процессами социализации, их совместным участием в конструировании правил "социальной игры", в том числе и конструировании правил социологии как части этой "социальной игры".

Альфреду Шюцу вторит и Юрген Хабермас. Он справедливо утверждает, что в отличие от классической методологии, *где существует лишь одно фундаментальное отношение* — между высказыванием и тем, о чем это высказывание (языком и реальностью), в понимающих науках *таких отношений три*: выражая свое мнение (свою версию), говорящий налаживает отношение с *другим* членом языковой общности (исследователем) и говорит ему о *чем-то*, имеющем место в мире (о реальности)¹⁰. Вот это второе отношение — участие в коммуникации с изучаемыми людьми, (в нашем случае это ситуация интервью с социологами), по мнению Ю. Хабермаса, порождает у исследователя так называемую *перформативную установку* в отличие от *объективирующей* — *"как обстоят вещи"* установки в классической методологии. Такая установка предполагает и *взаимную ориентацию* участников коммуникации на претензии друг к другу по поводу правдивости высказывания, его истинности, приятия или неприятия — суждения в целом. "Общаясь друг с другом в перформативной установке участники коммуникации одновременно, благодаря коммуникативным действиям, воспроизводят и общий для них жизненный мир"¹¹. В этом ключе тот факт, что интервью берет Б. Докторов, один из активных участников процесса "социологического строительства" в СССР, человек уважаемый, с безупречной репутацией во мнении профессионального сообщества, "работает", на мой взгляд, на повышение правдивости рассказов социологов о себе. Во всяком случае, рассказам социологов о себе следует дать, на мой взгляд, кредит реальности.

В социологии есть и особый способ повышения реалистичности биографических рассказов, предложенный финским социологом Й.П. Руусом¹². Для этого надо использовать определенные процедуры при анализе транскриптов интервью: обращать внимание на *контекст* биографии, выделять наиболее аутентичные места, учитывать ее (биографии) *референциальность* (отнесенность к определенным событиям), и *рефлексивность* (выделение автора как рассказчика истории, который смотрит на себя со стороны).

Есть и еще один важный, а может быть, и самый *важный методологический аспект* нашего разговора. Может ли повествование о прошлом социологии быть только исследовательской версией, исследовательской интерпретацией, нарративом исследователя, каких по определению может быть много, — *сколько исследователей, столько и нарративов* или повествование о прошлом социологии должно быть только совокупностью суждений, которые можно и нужно проверять на истинность, на соответствие реальности. Возможна ли история социологии как истинное, раз и навсегда данное знание, как истина на все времена?

Ответ на этот принципиальный и очень непростой вопрос надо, наверное, искать в методологии исторической науки (историографии), не только потому что предмет ее очень со-

звучен предмету нашего разговора: репрезентации прошлого, но также потому, и здесь надо согласиться с современным голландским философом Франком Анкерсмитом, что "историография представляет в чистом виде множество методологических проблем, которые терзают социальные науки"¹³, проблем, хотя и породившим сегодня среди историков определенную "методологическую и философскую неуверенность"¹⁴, но одновременно и обсуждаемых в сообществе, актуальных.

Следует сказать, что в современной философии истории, осмысливающей методологические проблемы историографии, существует позиция, согласно которой следует различать термины *"историческое исследование"* и *"нарративное написание истории"*¹⁵ при всей тонкости этих различий¹⁶. В рамках "исторического исследования", связанного со стремлением исследователя установить исторические факты с максимальной точностью, историка, по мнению Ф. Анкерсмита, можно уподобить детективу, пытающемуся найти убийцу, который хочет знать, "что в действительности произошло, кто что сделал или написал...". Но, полагает голландский философ, деятельность историка не ограничивается (или не должна ограничиваться) поиском фактов или детективным расследованием: установление фактов представляет собой лишь *предварительную стадию исследования*. Главная проблема — "как объединить эти факты в последовательное историческое повествование", которое, по мнению Ф. Анкерсмита, и следует называть "нарративным описанием истории".

Так что же это такое, нарративное описание истории, каковы его главные характеристики? Анализируя позицию Ф. Анкерсмита, можно выделить следующие: 1. историческое повествование выступает *заменителем, заменой отсутствующего прошлого*, исходя из этимологии слова "репрезентация" как ре-презентация объекта, который отсутствует. Отсюда главный вопрос, как репрезентация соотносится с тем, что она репрезентирует; 2. вопрос о том, *что* такое нарративное описание и *как* оно соотносится с миром, нельзя свести в вопросу об истинном единичном высказывании, хотя последние и являются элементами, кирпичиками исторического нарратива: отношения между репрезентацией и тем, что репрезентируется, *принципиально отличаются* от отношения между единичным высказыванием и тем в реальности, относительно чего оно является истинным; 3. нарративное описание истории предлагает взглянуть на прошлое *с определенной точки зрения*, упорядочить "все наше знание о соответствующем фрагменте истории, включив его в *связное целое, единство*"; 4. отношение между историческим повествованием и реальностью (прошлой), т. е. между нарративной репрезентацией и тем, что она репрезентирует, является метафорическим и должно анализироваться соответствующим образом. И, наконец, обобщающая характеристика: историческое повествование принадлежит к *двум областям*: области *буквальной истины*, т.е. тому, что можно утверждать с помощью истинных высказываний о мире, и к *области метафоры*, рассматривающей прошлое как некое целое. При этом, чем сильнее метафорическое измерение по отношению к буквальному, тем лучше историческое повествование. Мерой успеха в этом ключе того или иного исторического нарратива является то, "насколько удалось достичь такого понимания прошлого, которое нельзя свести к тому, что бук-

¹⁰ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. С. 42.

¹² Руус Й.П. Контекст, аутентичность, референциальность, рефлексивность: назад к основам автобиографии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы международного семинара. Санкт-Петербург 14-17 ноября, 1996. С. 7

¹³ Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.Идея-Пресс, 2003. С. 16.

¹⁴ Кузнецов Д.М. Социокультурные функции исторической науки. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Самара, 2011. С. 3.

¹⁵ Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ истории. С.22.

¹⁶ Следует сказать, между этими понятиями нет жесткой границы: поиск и описание фактов обычно делается в границах той или иной интерпретации, с другой стороны, именно собранные факты во многом определяют содержательные черты интерпретации.

важно говорится о прошлом в этом повествовании"¹⁷.

Итак, если перевести эти правильные, на мой взгляд, и интересные мысли в плоскость нашего разговора, то становится понятным, что историческое описание социологии должно, конечно, включать в себя высказывания об имеющихся фактах реальности, которые могут и должны проверяться на истинность: например, факт вынужденного сотрудничества многих социологов с КГБ, или факт "выдавливания" социологов из профессии, если их теоретические установки не совпадали с официальным марксизмом. Вместе с тем, самое главное, не ограничиваться *областью буквальной истины*. Это означает, что мы можем изучать, в том числе, и мотивы тех или иных поступков советских социологов, не боясь быть уличенными в том, что мы не можем этого проверить только потому, что информанты из сегодняшнего дня, т. е. задним числом формулируют эти мотивы (опять не соглашусь с В. Шляпентохом).

Но все-таки самое главное, и здесь, пожалуй, прав Эдуард Беляев¹⁸ — не заниматься тем, "что кто кому сказал и насколько это правда", а искать *типическое* в интервью социологов, *паттерны*, чем, собственно говоря, и должна заниматься социология, в какой бы парадигме, классической или качественной, она не осуществлялась. Этот исследовательский поиск *повторяющегося* в текстах информантов, как известно, осуществляется в присущей качественной методологии логике познания — исследовательской интерпретации, которая в *методологическом отношении* не может уступать интерпретациям интервьюируемых людей, но должна быть с ней вровень¹⁹. Это означает, что в готовом продукте качественного исследования, проводившемся в так называемом *научном направлении*, хотя это и не новаторская, а иная форма научности²⁰, в том типе исследования — "новой социологии", которую так блестяще обосновал А.Шюц, конструкты (голоса) информантов и конструкты (голос) исследователя должны присутствовать *в равной мере*. "Конструкт конструктов" (А.Шюц), интерпретация интерпретаций, "двойная рефлексивность" (Т.Шанин) — все это обозначения равенства позиций исследователя и информантов в конечном продукте исследования.

Фактически в рамках такого качественного анализа текстов интервью с социологами и выстраивается исторический нарратив о прошлом социологии, не картинка, не образ прошлого, но его *сущностная интерпретация*, если под сущностью понимать нечто важное и значимое для бытования социологии в советский период, созданное мысленно исследователем и представленное в историческом повествовании. В идеале, в согласии с моделью Ф. Анкерсмита такая сущностная интерпретация возможна только в рамках связного целостного нарратива, который всегда результат взгляда исследователя на прошлое социологии с *определенной точки зрения*, выбор которой — всегда за исследователем.

Социология в отличие от истории обладает средствами повышения убедительности такого повествования: его можно сравнить с результатами, полученными другими исследователями (знаменитая триангуляция); можно предъявить самим информантам с целью оценки правдоподобия интерпретации; наконец, можно пригласить коллег в "исследовательскую кухню" для оценки правильности процедур интерпретации.

Конечно, этот путь написания истории советской социологии — *через биографии* тех, кто был и есть ее акторы, кто в повседневности профессиональной жизни и создавал ее правила и нормы, этот путь гораздо более сложен, нежели анализ деятельности различных социологических институций. Но результат (будущий, Докторовский) того стоит, на мой взгляд. Мы можем получить "живую" историю социологии, во всех ее красках и оттенках, но одновременно и репрезентирующую советское прошлое российской социологии в главном, сущностном своем измерении: как науки, четко вписанной в реальность советской действительности и, может быть, в чем-то противостоящую ей²¹. Мы можем получить исторический нарратив, который, конечно же, не будет истиной в последней инстанции: новые поколения социологов несомненно создадут свои (и не одни) исторические повествования о советской социологии. Важно, чтобы они захотели это сделать, видели смысл такого предприятия. Но это уже совсем другая тема.

¹⁷ Анкерсмит Ф. Нарративная логика. С. 11.

¹⁸ Беляев Э. Взгляд на биографическое интервью: важность нахождения паттернов. Методологические замечания по поводу биографического интервью с социологами. // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. №6.

¹⁹ Хочется подчеркнуть, что речь идет именно о методологической позиции, в то время как в этическом измерении, и здесь безусловно прав Б.М. Фирсов (Фирсов Б. История социологии в лицах: биография и /или биокритика // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2011, №6): несомненен примат прав информанта перед правами исследователя. Более того, сегодня эта этическая позиция исследователя закреплена в качестве должного, нормативного и в методическом плане, предполагая, например, определенную процедуру нарративного интервью, предписывающую минимальное включение исследователя (интервьюера) в процесс интервью.

²⁰ Тотлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-груп, 2004.

²¹ Впрочем, повторюсь: выбор точки зрения для определения главной, сущностной перспективы всегда за исследователем.